

В РОДНЫХ МЕСТАХ

А теперь заглянем в Грешнево. Что же делалось в эти годы в доме Алексея Сергеевича Некрасова? На первый взгляд здесь все было по-прежнему. Только скромный и постаревший одноэтажный дом стал еще меньше походить на помещичью усадьбу. Он был невелик, всего четыре комнаты; правда, его украшали большая терраса с правой стороны и палисадник, отделявший дом от дороги. За домом начинался сад, справа располагались службы - господская кухня, баня. На одной линии с домом (вдоль дороги, по которой мчались тройки, шли люди, гнали арестантов) стояло длинное здание - людская, где жили дворовые, затем каретная мастерская (одно время изготовлялись кареты на продажу); по ту сторону двора (за людской) были конюшня, сарай, колодезь.

Убранство внутри дома было далеко от роскоша, главными украшениями служили рога и другие охотничьи трофеи, и потому легко поверить, что жилище Алексея Сергеевича больше напоминало дом зажиточного крестьянина, чем барские хоромы (наблюдение одного из грешневских старожилов). Сам хозяин был под стать своему жилью. И однообразием своего костюма (дочь Анна вспоминает, что он постоянно, зимой и летом, бывал облачен в красную фланелевую куртку; в ней он изображен и на фотографии), и простотой быта, и грубостью нрава, и отсутствием культурных интересов он ничем не отличался от массы среднерусского мелкопоместного дворянства.

Вечерами Алексей Сергеевич велел заложить тарантас или санки, ездил иногда в город, в Дворянский клуб, где любил играть в карты. А днем его огромную прямую фигуру можно было видеть и в поле (он приглядывал за работами), и на базаре в Ярославле; особенно в тех рядах, где торговали старым железом, - он издали возвышался над толпой, занятый покупкой разного железного хлама для своей кузницы...

Принято считать, что смерть матери (1841) примирила отца со старшим сыном. В известной мере это так, но примирение в первые годы было очень относительным, - отчуждение не исчезло, противоречия не стерлись. Ведь недаром же после той осени, которую двадцатилетний петербургский литератор провел в Грешневе, оплакивая мать, умершую перед самым его приездом, работая над пьесами и увлекаясь охотой на зайцев, недаром он целых четыре года не появлялся в родных местах.

Правда, после отъезда в столицу сын начал писать в Грешнево, но - "если б ты знала, каких страданий и усилий над собою стоят мне письма к дражайшему нашему родителю, которых, впрочем, с самого отъезда я написал только три!". Так писал Некрасов в 1844 году сестре Анне в Ярославль.

Когда же спустя год после этого письма он все-таки появился в Грешневе, то застал здесь немало перемен:

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол и новые порядки...

Новые порядки завела Аграфена Федоровна, именно она теперь командовала в доме. Алексей Сергеевич как будто стал потише. Он заметно подобрел к сыну, который, по его мнению, уже выбился в люди. Может быть, он испытывал неловкость, понимая, что это произошло без его помощи и участия. Другие дети тоже успели покинуть уютный родительский кров. Старшую дочь Елизавету, любимую сестру Николая, Алексей Сергеевич выдал замуж за пожилого военного в отставке С. Г. Звягина, жившего в Ярославле. Но не прошло и года, как она заболела и умерла (1842). Было ей около двадцати двух лет. Пораженный известием о ее смерти, Некрасов писал сестре Анне: "Жалею и буду жалеть вечно - зачем вы не известили меня о болезни сестры?" А в стихотворении "Родина", написанном под впечатлением второй поездки в Грешнево (1845), Некрасов целую строфу посвятил умершей сестре. Он сравнил ее судьбу с судьбой матери:

И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей...

Он дал, кроме того, свое объяснение ее печальной участи:

Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...

За обжигающей реальностью этих строк угадываются неприкрашенные подробности грешневского быта. Конечно, Некрасов знал о стремлении сестры любой ценой вырваться из отцовского дома.

Такое же стремление привело и вторую дочь Алексея Сергеевича Анну к решению покинуть Грешнево. Ей еще не было и двадцати лет, когда она поступила гувернанткой в пансион госпожи Буткевич в Ярославле. Сообщая об этом старшему брату, Анна писала, что отец отказал ей в малейшей помощи (как прежде Николаю), но, правда, предлагал остаться в Грешневе. Брат одобрил ее уход из дому и устройство в пансион. И прибавил: "Если это неизбежно, то дай бог, чтоб ты нашла себе место у добрых и честных людей".

Через два года Анна Алексеевна вышла замуж за Генриха Станиславовича Буткевича (вероятно, сына хозяйки пансиона), и таким образом ее судьба устроилась. Муж Анны Алексеевны участвовал в Севастопольской кампании, был тяжело ранен, потерял ногу. Вышел в отставку в чине подполковника. Вероятно, к этому времени, то есть ко второй половине 50-х годов, и относится семейная фотография, где тридцатипятилетняя Анна Алексеевна стоит рядом с пожилым военным, грудь которого украшена боевыми крестами.

На протяжении многих лет Анна Алексеевна оставалась близким и преданным другом своего брата, пользовалась его постоянным расположением; в поздние годы ей пришлось играть особенно большую роль в его жизни, а затем стать распорядительницей его литературного наследия.

Не застал Некрасов в Грешневе (во второй приезд) и среднего брата, двадцатилетнего Константина: он в это время уже служил в егерском полку на Кавказе, где пробыл около восьми лет. Это о нем в 1842 году Некрасов с беспокойством писал той же Анне: "Этого бедного мальчика бросили на произвол судьбы - не мудрено, что из него ничего не выйдет".

Так и оказалось. Константин обладал всеми признаками неудачника, не знал, чем себя занять, и, по собственному выражению (в письме), "поклонялся Багуеу". Отец не называл его иначе как чудаком и, видимо, был не прочь от него избавиться. Потому-то и попал он на Кавказ, где его преследовали всякие напасти - он часто болел, бедствовал и наконец в 1850 году попросился в отставку. Не имея денег ни на жизнь, ни на обратный путь, он собирался даже поступить в линейные казаки, то есть остаться навсегда вдали от дома. Он молил отца о "вспомоществовании", но тот молчал или присылал гроши. Тогда он стал направлять те же просьбы брату в Петербург. "... Вышли хотя целковых сто пятьдесят на проезд, иначе должен буду итти пешком с мешком, но как я на Кавказе от изнурительных походов лишился совершенно ног, то шествие это будет весьма печальное и долгое", - писал он, пытаясь приправить просьбу шуткой. "Ради бога, не лиши пособия", - плакался он в другом письме. И позднее, уже вернувшись домой: "Мне стыдно и грешно просить тебя, любезный брат, о помощи, зная, как тяжело добываешь ты деньги, но прости меня, ради бога, и помоги, как можешь..."

И брат помогал, посылал. Видимо, он любил Константина и, во всяком случае, очень его жалел. В этом неудачнике он не мог не видеть жертвы отцовского деспотизма, не мог не заметить в нем и некоторых привлекательных черт. Даже в тех немногих письмах, что дошли до нас, сквозят его несомненная честность, прямота, особый юмор. Незаурядность его натуры нашла выражение в необычном стиле этих писем, а также в его стихах.

Да, он писал стихи и не только писал, но даже печатал их в ярославской газете! Вот, например, первые строчки стихотворения, где автор говорит о своих кавказских скитаниях:

В краю чужом, печальный, одинокий,
Заброшенный судьбой по воле провиденья,
Я, затаив тоску в душе моей глубоко,
В уединении ищу отрады и спасенья... {*}

{* "Ярославские губернские ведомости", 1858, № 47, 22 ноября.}

За всем этим угадывается трагедия человека, задавленного средой и обстоятельствами. И невольно думается: ведь такова была бы участь и старшего брата, если бы не его ум, талант и упорство...

Константин Некрасов умел ценить брата, причем в его восторженных словах о нем вовсе нет вполне обычной в таких случаях зависти к чужим успехам: "... Не все же так счастливы и умны, как ты, брат Николай, не все, подобно тебе, могут проложить себе завидную дорогу одаренным от бога гением". И в том же письме (1857), перечислив свои попытки и неудачи, упомянув о жалкой бедности, закрывающей перед ним все пути, он рассказывал брату: "Итак, надежды быть порядочным, полезным человеком лопнули, а жить под деспотическим правлением отца мне надоело, слушать оскорбительные для сердца укоризны (из-за какого-нибудь рубля, данного на табак) тоже; надо было искать случая вырваться из этой муки, и я нашел! Отец уехал в Москву, а я женился на молоденькой девушке, душа и карман у которой чисты как хрусталь... Отец страшно сердится на меня и, как слышно, написал духовное завещание, по которому все отказал вам (с чем и поздравляю), - все это ничуть меня не испугало, я знал родительскую душу, и на имение его никогда не рассчитывал".

Есть и еще в этом письме, обращенном к братьям Николаю и Федору, колоритные строки, покоряющие своим простодушием: "Сделайте милость, не удивляйтесь и не сердитесь, что я женился на мещанке, поверьте, что она гораздо умнее этих светских вертячек, у которых головы напичканы непотребными романами... Да, наконец, сравните вы образ одичалой, угрюмой жизни моей с уставами модницы барышни, привыкшей ко всевозможным наслаждениям; ну мне ли, степняку, возиться с этими воздушными метеорами, мне ли постигать силу души их, не бывши ни разу в обществе... Богатых невест на мою долю не оказалось да хоть бы и нашлись, так какая дура согласится иметь мужа дикаря с кавказскими привычками..."

А затем следовал рассказ о том, как отец, вернувшись из Москвы, пришел в ярость, узнав о женитьбе сына, и тут же выгнал молодоженов из дому, проводив их "серо-пегой бранью". "После чего занавес опустился и представление кончилось довольно неудачно", - добавляет автор письма не без горькой усмешки.

О том, что было дальше, мы узнаем из следующего письма Константина к "любезному брату Николаю" - через несколько месяцев. Оказывается, в результате "не очень усладительных" бесед с неудачливым сыном отец определил ему... двенадцать рублей в месяц на содержание, посоветовав при этом вместо чаю пить воду. Конечно, это была месть за неосмотрительную женитьбу без родительского согласия. А в Петербург в это же время Алексей Сергеевич написал так: "Любезнейший сын и друг Николай... подумай, что нам делать с нашим чудачком, который живет теперь с женою на квартире, почти без куска хлеба".

Интересно, что скарденность Алексея Сергеевича по отношению к сыну имела не только морально-педагогическое, но еще и экономическое обоснование. Об этом мы узнаем также из писем Константина. "Скоро всем придется по миру ходить", - повторял отец при каждом разговоре о деньгах, имея в виду всеобщее оскудение поместного хозяйства. Видимо, слухи о начинавшемся движении вокруг крестьянского вопроса не на шутку тревожили Алексея Сергеевича; во всяком случае, его сын подтверждает это, хотя и в довольно причудливых выражениях: "Политические перевороты в государстве, где мечется мысль об улучшении быта крестьян, охватили кругом родителя..." - сообщал он старшему брату, обращаясь за поддержкой к его "доброму сердцу".

Мытарствам Константина пришел конец только после того, как брат Николай купил неподалеку от Ярославля имение Карабаху; здесь он построил для него небольшой дом (сохранился доныне), где Константин Алексеевич жил вместе с женой Ольгой Федотовной. Она умерла в 1868 году, а он в 1884 году. До самой смерти; брат продолжал поддерживать его материально. Константин Алексеевич вместе с Анной Алексеевной был возле брата во время его предсмертной болезни. Младшему сыну Алексея Сергеевича - Федору было около восемнадцати лет, когда его столичный брат побывал в родных местах. Федор производил впечатление человека неглупого, практического, серьезного. Занимался он хозяйственными делами, кажется, главным образом присматривал за собаками и, насколько известно, в конфликты с отцом не вступал. Брат еще прежде решил, что Федора следует освободить от этих его занятий. Пусть едет в Петербург, там хоть чему-нибудь научится.

И действительно, несколько позже Федор переехал в Петербург и долго был возле брата. В 1850 году он даже некоторое время управлял хозяйственной частью конторы "Современника"; Некрасов писал об этом 9 января Тургеневу: "... Приехал сюда мой брат, он малый дельный, вступил теперь в управление нашей конторой и обнаруживает себя в хорошем свете".

Практицизм Федора Алексеевича особенно пригодился впоследствии, когда брат сделал его управляющим Карабахой, то есть фактическим ее хозяином.

* * *

От поездки Некрасова в Грешнево 1845 года не сохранилось документальных данных. Но несомненно, что она относится к августу - сентябрю: известно, что до конца июля он был в Москве, а с начала октября - в Петербурге. Да и время охоты падает на осенние месяцы. А охотился он много, ибо что же другое можно было делать в Грешневе как не охотиться?

Алексей Сергеевич радовался, когда ему удавалось увлечь сына в свои охотничьи выезды на лошадях, с борзыми и гончими, а тот не любил эти шумные и многолюдные затеи, хотя, по словам сестры, был хорошим наездником и отлично стрелял с лошади. Изредка он все-таки соглашался, чтобы не спорить с отцом. Однажды на охоте и произошел случай, о котором рассказывает Анна Алексеевна:

"... В одной из таких поездок кто-то из охотников... сделал большую ошибку, вследствие которой собака упустила зверя. Отец вышел из себя, в порыве гнева наскочил на виноватого и отдул его арапником. Брат, не говоря ни слова, поворотил лошадь и ускакал домой, вскоре воротился и отец, не в духе и сердитый. Объяснений никаких не последовало, но брат стал избегать отца, - уходил с ружьем и собакой и пропадал по нескольку дней, охотясь за дичью со своим сверстником Кузьмою Орловским... Отец, видимо, скучал - на охоту не ездил. Однажды, когда брат вернулся, отец послал меня непременно уговорить его, чтобы пришел обедать. Обед прошел довольно натянуто, но затем подано была шампанское, за которым и последовало объяснение. Отец горячился, оправдывался, что без драки с этими "скотами" совсем нельзя, что тогда хоть всю охоту распускай, но тем не менее дал слово, что при брате никогда драться не будет, и сдержал его".

Сохранился и еще рассказ, записанный со слов одного из грешневских крестьян, Сергея Полянина, подтверждающий глубину расхождений между отцом и сыном. Полянин запомнил, что они вели горячие споры по вопросу об освобождении крестьян. Николай Алексеевич доказывал, что нельзя держать людей в неволе, а Алексей Сергеевич спорил с ним и очень сердился. После одной из таких ссор Некрасов-сын уехал и много лет не писал отцу. Рассказ этот вполне правдоподобен, тем более что после второго приезда Некрасов действительно очень долго не бывал в Грешневе, он приехал, кажется, только в 1853 году.

Переписка же возобновилась несколько раньше. На этот раз Алексей Сергеевич был весьма активен; расположение и уважение его к сыну даже заочно возрастали год от году, конечно, не без некоторой зависимости от его литературных и материальных успехов, а также укрепления связей в обществе/4 в которых отец до удивления свободно разбирался: в его письмах то и дело мелькают имена чиновных лиц, к которым надлежало обращаться с отцовскими просьбами.

А когда Николай Алексеевич стал в летние месяцы приезжать в Грешнево охотиться, старик всякий раз встречал его как нельзя более гостеприимно. Он высылал лошадей в Ярославль, поднимал суматоху в доме, готовил ружья и всякое охотничье снаряжение...

Рассказывая об этом, Анна Алексеевна добавляет, что в таких случаях отец бывал весел и даже шутил с дворовыми мальчиками, которые под его руководством занимались чисткой и смазкой оружия.

В искренности побуждений, которыми руководился при этом Алексей Сергеевич, можно не сомневаться. Так же, как в искренности некоторых его признаний, обращенных к сыну. Видимо, старость и одиночество делали свое дело. Однажды, после какого-то неизвестного нам случая, когда из Петербурга пришло письмо с выражением неудовольствия отцу, Алексей Сергеевич заговорил в ответ языком, прежде вовсе ему несвойственным: "... прости меня и за то, что ты нашел дурного в моих письмах. Я писал к сыну, которого люблю более всего в свете, не думая, что мои бредни тебя потревожат! Прости меня, и не отнимай лучшего удовольствия получать твои письма, которые Я перечитываю по 10 раз..." {Письма Д. С. Некрасова цитируются по изданию "Архив села Карабихи" (М., 1916) с исправлением грамматических ошибок.}

Еще больше он забеспокоился, когда узнал из письма сына о его серьезной болезни, обострившейся весной 1853 года: у него заболело горло, начал пропадать голос: он отнесся к этому небрежно и почти не лечился. К тому же врачи, да еще самые лучшие, долго не могли определить характер заболевания и назначали не те лекарства, какие следовало. Мы узнаем об этом от самого Некрасова. "... Что со мной делают лекаря! - писал он Тургеневу 18 августа 1855 года. - Вообрази только себе, что горло у меня болит уже два года, что в течение этого времени это несчастное горло рассматривали по нескольку раз доктора: Пирогов, Экк, Шипулинский, Иноземцев с десятью своими помощниками...", "... чего же они смотрели два года..."

В результате болезнь прогрессировала, и к концу года обнаружилось поражение гортани с полной потерей голоса и кашлем. Вот по этому-то поводу Алексей Сергеевич и писал: "... болезнь твоя тронула меня до глубины души... Что могу сказать в утешение, одна надежда на святое провидение. Неужели оно тебя оставит и лишит меня на старости последнего утешения... Я все готов отдать сейчас для помощи тебе по первому слову..." (29 января 1854 года). Еще раньше Алексей Сергеевич вспомнил, что у него во Владимирской губернии есть "деревнишка", совсем забытая, но удобная для охотничьих целей. И он вдруг надумал передать ее старшему сыну. Весной 1853 года тот отправился в сельцо Алешунино в надежде на хорошую охоту. И в самом деле, там обнаружилась дичи бездна. Поездка эта не прошла бесследно и для писательской работы Некрасова.

В письмах Алексея Сергеевича к сыну середины 50-х годов все чаще встречаются жалобы на старость, болезни и скуку: "Прошло время жить весело, на долю мою осталось уединение...", или: "Охотиться я уже не в состоянии..." И вот неожиданно Алексей Сергеевич нашел себе развлечение: сумел организовать духовой оркестр из крепостных музыкантов. С чего все это началось, мы не знаем, но уже в январе 1857 года он спешит обрадовать сына: "... Вообрази себе, что у нас теперь девять человек музыкантов, которых обучает довольно знающий музыку отставной унтер-офицер, инструменты из Парижа, Сакса, изобретенные для французской гвардии".

Последнее обстоятельство, должно быть, особенно льстило самолюбию скучающего помещика, не пожалевшего денег, чтобы выписать заграничные инструменты.

Однако денег не хватало - ведь и музыкантов и унтера надо было как-то содержать и оплачивать. Под музыкантскую был отведен специальный кирпичный флигель {Он сохранился до нашего времени. Это единственная постройка, уцелевшая от усадьбы А. С. Некрасова. До революции в этом "скромном здании" помещалась чайная "Раздолье" А. С. Титова, купившего у Федора Алексеевича все грешневское имение (75 десятин земли). Теперь здесь библиотека и Народный музей имени Н. А. Некрасова.} рядом с некрасовским домом. И вот Алексею

Сергеевичу пришла счастливая мысль - извлечь практическую пользу из своей затеи. Тогда в "Ярославских губернских ведомостях" (1859, № 3) появилось такое объявление:

"Хор музыкантов, из девяти человек, отпускается как в г. Ярославль, так и другие города и селения. Желаящие нанять музыкантов на свадьбу и вечера за сходную цену могут обращаться к помещику Некрасову, живущему в Ярославле, в Вознесенском приходе, в доме купца Хманова. Помещик, отставной майор Алексей Некрасов".

Стареющий Алексей Сергеевич буквально заваливал сына своими просьбами и поручениями. Ему нужны были то модная "боярская шапка", то сигары слабые, то памятная книжка для знакомого, то советы врачей, которые лечат сына, то подписка на экономический журнал, то ходатайство в каком-то из департаментов сената. Встречается и просьба купить легкое ружье: "Пусть оно висит у меня перед глазами и напоминает, что и я когда-то был Охотник и порядочный Стрелок".

Надо сказать, что Николай Алексеевич внимательно и корректно исполнял просьбы отца. Тем более, что здоровье отца одно время действительно внушало опасения. Поездка в Москву (воспользовавшись которой успел жениться Константин), лечение у известного доктора Иноземцева не принесли особых результатов. По возвращении домой Алексей Сергеевич решил, что пришло время писать завещание, и даже советовался по этому поводу с сыном Николаем - кому что назначить. Под влиянием ярославских врачей Алексей Сергеевич начал обдумывать поездку за границу для лечения (в письмах его к сыну часто упоминается Карльзбад). В это время в "Ярославских губернских ведомостях" (1859, 16 апреля) появилось еще одно и, кажется, уже последнее объявление: "Отъезжает за границу отставной майор Алексей Сергеев Некрасов, при нем дворовые люди Ефим Алексеев, Сергей Семенов и ярославская мещанка вдова Аграфена Федорова".

Однако отъезд за границу по каким-то причинам не состоялся (не исключено, что объявление было дано из тщеславных соображений), а через некоторое время Алексей Сергеевич примерно с той же свитой отправился на кавказские Минеральные Воды. Из письма его к сыну от 25 июля 1859 года мы узнаем, что он лечился в Пятигорске, затем переехал в Кисловодск, где пил по десять стаканов нарзана в день, любовался природой и удивлялся изобилию в тамошних местах серых фазанов и куропаток - "хоть палкой бей".

К возвращению Алексея Сергеевича в родные края весьма недовольный им сын Константин приготовил ему оригинальный сюрприз: он сочинил сатиру в стихах на отца и его спутницу и, недолго думая, напечатал ее в той же ярославской газете (1859, № 31). Подписался инициалами К. Н. Вот отрывок из этих стихов:

Здорово, друг! Из-за границы?
Да как же ты помолодел!
Знать, минеральной там водицы
Довольно ты преодолел...
И посмотри, твоя Гетера
Как хорошеет и цветет:
Повалит, право, гренадера,
А Фомку за пояс заткнет.

Похоже, что вопрос "из-за границы?" был не лишен ехидства, ведь стихотворец отлично знал, откуда приехал помолодевший путешественник. Как он сам реагировал на сатиру - неизвестно. Может быть, не заметил ее, а может быть, не узнал себя? Тем не менее весь эпизод дополняет представление о довольно своеобразной личности Константина Некрасова.

Последние годы жизни Алексей Сергеевич провел в болезнях, в жалобах на одиночество и в сильном сопротивлении времени - наступающей новой эпохе. Он явно начал сдавать позиции, первым показателем явилось уменьшение знаменитой охоты. С болью в сердце писал он сыну: "Гончих осталось лучших английских четыре и прежних наших семнадцать, лошадей, считая и трех жеребят, тринадцать..." (1861).

Второй показатель - укрощение духа. Было время, Алексей Сергеевич заканчивал свои письма к сыновьям так: "Домашняя сволочь бьет челом до земли". Теперь он выражается уже тихо и деликатно: "Груша [то есть Аграфена] и все домашние наши тебе усердно кланяются..." От прежней его суровости и даже жестокости по отношению к детям не осталось и следа, он скучает и по-стариковски требует от них внимания: "... О детях не имею никакого сведения, тоскую и горю, что все дети меня забыли" (1861).

И вдобавок ко всему самые неприятные слухи подтвердились: в предпоследний год его жизни было отменено крепостное право. Тут Алексей Сергеевич понял, что почва уходит у него из-под ног, и начал делать отчаянные попытки сохранить прежние порядки в своем имении. Для этого приходилось изобретать новые способы выжимания доходов из вчерашних крепостных. Он сумел уговорить крестьян подписать документ ("уставную грамоту"), согласно которому им пришлось бы платить своему недавнему владельцу незаконный и непосильный для них оброк. Это вызвало недовольство, а могло вызвать и волнения среди крестьян. Условия, предложенные Некрасовым, настолько противоречили их реальным возможностям и даже положению 19 февраля, что в это дело вынужден был вмешаться мировой посредник, потребовавший от помещика снижения оброка, то есть соответствующего исправления документа. Помещик, естественно, оказал сопротивление, оттягивал решение вопроса, писал жалобы на действия мирового посредника. А тот прямо записал в одном документе, что ему удалось сохранить "порядок" в имении Некрасова только благодаря решительным мерам, принятым в споре с помещиком. Вскоре после этой истории, не дождавшись ее конца, Алексей Сергеевич умер (30 ноября 1862 года). Вот почему Некрасов-сын имел все основания сказать, что отец его сошел в могилу, "не выдержав освобождения".

До последнего часа грешневский помещик Некрасов оставался верен себе. Поэт Некрасов понимал это, и тем не менее в конце жизни он испытал потребность несколько смягчить свои неизменно суровые отзывы об отце. Более того, он считал это делом своей совести. Почему?

Возможно, он не хотел, чтобы будущие читатели судили об отце только на основании его поэтических обличений. Кроме того, оглядывая прошедшие годы, он, видимо, ощутил чрезмерность груза, возложенного им на плечи отца. В свое время он рисовал в стихах картины грешневского быта, а в силу законов искусства получилось так, что фигура отца стала как бы воплощением всех пороков крепостничества.

Это показалось ему несправедливым по отношению к Алексею Сергеевичу. И тогда умирающий Некрасов продиктовал сестре такие слова: "В произведениях моей ранней молодости встречаются стихи, в которых я желчно и резко отзывался о моем отце. Это было несправедливо, вытекало из юношеского сознания, что отец мой крепостник, а я либеральный поэт. Но чем же другим мог быть тогда мой отец? - я побивал не крепостное право, а его лично..." Однако к этим словам Некрасов сделал очень важное добавление. Он сказал: "Иное дело личные черты моего отца, его характер, его семейные отношения, тут я очень рано сознал свое право и не отказываюсь ни от чего, что мною напечатано в этом отношении".

В пору зрелости, в 50-е годы, Некрасов как поэт и журналист вел борьбу против крепостничества, действуя не менее, а гораздо более активно, чем в предыдущем десятилетии, когда написаны "Родина", "Псовая охота" и др. Однако ему ни разу не случалось затронуть отца или обратиться к грешневской тематике. Нельзя же объяснить это улучшением отношений с отцом! Скорее всего это можно объяснить тем, что кругозор поэта к этому времени необычайно расширился, он перерос грешневскую тематику. А тогда, в 40-е годы, он "побивал" крепостное право через сравнительно узкий круг явлений, знакомых ему с детства, и прежде всего перед ним был образ грешневского помещика. Видимо, такого рода мысли посещали Некрасова в конце жизни.

Но, как бы то ни было, грешневские впечатления сыграли немалую роль в развитии поэта, в становлении его антикрепостнической лирики.

Связи Некрасова с родными местами ослабели после покупки имения Карабиха, куда он стал ездить на летние месяцы. Алексей Сергеевич в последние годы жил больше в Ярославле,

в доме, который он купил на Сенной площади. Здесь он и умер (похоронен в фамильном склепе в селе Абакумцево, в трех верстах от Грешнева) {После смерти Алексея Сергеевича Аграфена Федоровна получила (согласно его завещанию) некоторую сумму денег и вышла замуж за мелкого ярославского чиновника. Дальнейшая судьба ее была печальна: потеряв мужа, она впала в нищету, добиралась, ослепла; умерла в одной из некрасовских деревень - Гоголине (сведения сообщены А. Г. Полотебновым в статье "Грешнево и Некрасов". Ярославский край, сб. 1. Ярославль.}. А грешневская усадьба, покинутая обитателями, все больше приходила в запустение. Старый дом много лея простоял в развалинах. Наконец в один тихий и ясный день и они были уничтожены внезапным пожаром. Некрасов, "мимоездом" побывавший на пепелище в конце 60-х годов, узнал от крестьян, что дом сгорел днем, в безветренную погоду, так что липы, посаженные его матерью в шести шагах от балкона, едва только закоптились.

- Ведро воды не было вылито, - сказала ему одна баба.

- Воля божья, - ответил на его вопрос о пожаре местный крестьянин не без добродушной улыбки.

Еще при жизни поэта родовая вотчина его предков - "гнездо отцов" - исчезла с лица земли. Только остатки некогда обширного сада еще сохранялись некоторое время. "Куда как глухо там теперь стало, не верится, что в 20 верстах губернский город Ярославль, а в 40 - Кострома", - удивлялся Некрасов. И, вспомнив об этом за несколько месяцев до смерти, он продиктовал брату Константину такие знаменательные слова: "Зато грешневцы теперь сравнительно процветают, пользуясь даже яблоками покинутого сада... Кушайте их на здоровье, беловолосые ребятишки, бегайте в нем сколько душе угодно..." Так изменились времена.